

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-12-1.30>

Яковлева Любовь Юрьевна

БИОПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ АРХИТЕКТУРНОЙ МЕДИАЛЬНОСТИ

Предлагаемое исследование направлено на прояснение функционирования биополитики в архитектуре. Архитектурные постройки представлены в качестве объекта исследования медиафилософии, то есть как особый вид медиа, опосредующий властные отношения городского пространства. На основе концепции "олигоптикумов" Б. Латура и "паноптизма" М. Фуко описываются логика организации современного архитектурного пространства и его роль в осуществлении властных механизмов в регулировании биологической жизни современного человека. Концепции олигоптикумов, паноптикума и биополитических пространств призваны продемонстрировать непосредственную связь между наиболее общими политическими моделями управления и конкретной архитектурной топологией как их медиа с целью критического переосмысления образа современной архитектурно-городской среды.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2018/12-1/30.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2018. № 12(98). Ч. 1. С. 137-141. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2018/12-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Таким образом, проведённый анализ концепции Родины в творчестве И. А. Ильина позволяет сделать вывод о том, что она, с точки зрения философа, представляет собой духовную реальность, обладающую высшей ценностью, святостью, для личности, принадлежащей к народу и национальной культуре. Дефиниция Родины, предложенная философом, устанавливает онтологический и аксиологический аспект раскрытия её содержания, и, следовательно, может рассматриваться как основа социально-философского определения категории «Родина».

Список источников

1. «В краю чужом...». *Зарубежная Россия и Пушкин* / сост., вступ. ст. и коммент. М. Филина. М. – Рыбинск: Русский мир; Рыбинское подворье, 1998. 495 с.
2. **Ильин И. А.** Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948-1954 годов: в 2-х т. М.: МП «Рарог», 1992. Т. 1. 344.
3. **Ильин И. А.** Путь духовного обновления. М.: АСТ, 2006. 365 с.
4. **Ильин И. А.** Родина и мы. Смоленск: Посох, 1995. 511 с.
5. **Ильин И. А.** Собрание сочинений: в 10-ти т. М.: Рус. кн., 1993. Т. 1. 400 с.
6. **Колупанова Т. Ю.** Лексическая репрезентация образа России в языковом сознании И. А. Ильина // *Образ Родины: содержание, формирование, актуализация: материалы II международной научной конференции* (г. Москва, 20 апреля 2018 г.). М.: МХПИ, 2018. С. 82-84.
7. **Корнилов С. В.** Образы Родины в философии русского зарубежья // *Образ Родины: содержание, формирование, актуализация: материалы II международной научной конференции* (г. Москва, 20 апреля 2018 г.). М.: МХПИ, 2018. С. 84-86.
8. **Русская идея. Сборник произведений русских мыслителей.** М.: Айрис-пресс, 2004. 512 с.
9. **Чекер Н. В.** И. А. Ильин: Родина как музыка духа // *Образ Родины: содержание, формирование, актуализация: материалы международной научной конференции* (г. Москва, 21 апреля 2017 г.). М.: МХПИ, 2017. С. 126-129.
10. **Шакирова Е. Ю.** Иван Александрович Ильин о Родине и о России (размышления по прочтению произведений И. А. Ильина) // *Образ Родины: содержание, формирование, актуализация: материалы II международной научной конференции* (г. Москва, 20 апреля 2018 г.). М.: МХПИ, 2018. С. 161-164.

UNDERSTANDING OF MOTHERLAND IN I. A. ILYIN'S PHILOSOPHICAL CONCEPTION

Chikaeva Tat'yana Aleksandrovna, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Moscow Art-Industrial Institute
umoi@rambler.ru

The article applies to I. A. Ilyin's philosophical heritage and analyses one of the key issues of his creative work – the problem of Motherland. The philosopher considers Motherland as spiritual reality, shrine, which possesses subjectivity and maternal gender. As a subject it is personified in all the personalities who consider it in such a way and manifests itself in the national mentality. Motherland is an integral part of empirical objects but is not reduced to them. The author concludes that I. A. Ilyin's conceptions are relevant and can be considered as a basis for the social-philosophical definition of the "Motherland" conception.

Key words and phrases: I. A. Ilyin; Motherland; spiritual reality; shrine; act of spiritual self-identification; Motherland acquiring; personality.

УДК 130.2

Дата поступления рукописи: 07.10.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-12-1.30>

Предлагаемое исследование направлено на прояснение функционирования биополитики в архитектуре. Архитектурные постройки представлены в качестве объекта исследования медиафилософии, то есть как особый вид медиа, опосредующий властные отношения городского пространства. На основе концепции «олигоптикумов» Б. Латюра и «паноптизма» М. Фуко описываются логика организации современного архитектурного пространства и его роль в осуществлении властных механизмов в регулировании биологической жизни современного человека. Концепции олигоптикумов, паноптикума и биополитических пространств призваны продемонстрировать непосредственную связь между наиболее общими политическими моделями управления и конкретной архитектурной топологией как их медиа с целью критического переосмысления образа современной архитектурно-городской среды.

Ключевые слова и фразы: архитектура; медиафилософия; медиальность; топология; олигоптикумы; паноптизм; власть; незримость; биополитика.

Яковлева Любовь Юрьевна, к. филос. н.
Санкт-Петербургский государственный университет
jakovleva.ljubov@yandex.ru

БИОПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ АРХИТЕКТУРНОЙ МЕДИАЛЬНОСТИ

Статья выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ 18-011-00414 А «Политики медиа», СПбГУ.

Медиафилософский дискурс охватывает множество социополитических и культурных феноменов современности, позволяя рассматривать их через призму медиареальности. Одной из важнейших форм медиа

является архитектурное пространство, обеспечивающее единство связей и ритмов городской жизни. Как и остальные формы медиа, архитектура непосредственным образом интегрирована в отношения власти, выступая тем самым способом манифестации власти и местом принятия различных политических решений. В то время как в современности взаимодействие властных отношений и различных форм медиакommunikаций не вызывает ни у кого сомнения, связь между архитектурным пространством и политическими стратегиями представляется менее очевидной. В этой связи приобретает особую *актуальность* рассмотрение архитектуры как медиа, позволяющее продемонстрировать, что политические и властные отношения транслируются не только при помощи СМИ, но и при помощи архитектурных средств организации городского пространства. Как в отечественной, так и в зарубежной философской литературе потенциал медиафилософского понятия медиа в отношении к архитектуре в ее корреляции с типами политического управления еще недостаточно раскрыт, поэтому настоящее исследование стремится к восполнению данного тематического поля. *Целью* предлагаемой работы выступает анализ понятия биополитики как определенного измерения политической сферы, оказывающей непосредственное влияние на жизнь, тело и здоровье человека посредством выстраивания различных моделей жилой среды, общественных пространств и иных видов городских территорий. Данная проблема связана с теми вопросами, которые будут нас интересовать как в рамках предлагаемого исследования, так и за его пределами: 1) каким образом архитектура может быть рассмотрена в качестве медиа? 2) в чем состоит специфика биополитики в контексте медиальности архитектуры?

Для ответа на первый вопрос мы должны напомнить о специфике самого понимания медиа в медиафилософии. Уже ставшие классикой, труды М. Маклюэна позволили расширить обыденное понимание медиа как средства коммуникации до понимания их как средства опосредования любого опыта. Каждое событие, факт, вещь или процесс предстают в теории Маклюэна в качестве явлений, опосредованных теми или иными формами медиа, к которым могут быть отнесены не только телевидение, Интернет или письмо, но и транспорт, жилище или одежда. Такое широкое понимание медиа позволило обратиться к феномену медиальности опосредованности как к необходимому условию возможности любой формы опыта. В этом отношении архитектура становится одним из наиболее значимых опосредований пространства современного человека. Медиальность пространства проявляется, прежде всего, в пространстве архитектурном, наиболее показательным воплощением которого выступает пространство города. Именно городская топология выступает важнейшим катализатором культурно-политической жизни субъекта, предоставляя максимальную реализацию его возможностей как свободного существа. Рассмотрение второго вопроса покажет, что медиальность архитектурного пространства в рамках городской топологии – это не только средство, предоставляющее доступ к наибольшему числу возможностей, реализуемых в постоянной циркуляции событий мегаполисов, утрачивающих жесткую заданность локусов нашего повседневного пребывания, но и средство управления жизнью человека, жизнью, которая, казалось бы, является неотчуждаемой областью для каждого индивида с его рождением, здоровьем и смертью. Посредством регулирования различных сфер жизни архитектура становится таким пространственным медиа, которое приобретает *биополитическое измерение*. В данной статье мы будем опираться на понятие биополитики, каким оно представлено в трудах французского философа М. Фуко, а именно: как форма «рационализации, начиная с XVIII века, проблем, ставившихся перед практикой управления феноменами, присущими единствам людей, или населению – такими феноменами, как здоровье, гигиена, рождаемость, продолжительность жизни, расы...» [9, с. 151].

Необходимость рассмотрения архитектуры в качестве особого медиа обусловлена рядом задач: 1) выявить неразрывную связь между архитектурой и технологиями (новыми медиа) современного города; 2) тем самым включить архитектурное пространство в более широкий контекст и логику организации городского пространства; 3) представить архитектуру не как инструмент политических решений или выражение политического мировоззрения, но как саму форму существования политического пространства.

Для решения поставленных задач исследователь архитектурных медиа должен отказаться, в первую очередь, от взгляда на архитектуру как на совокупность отдельных, замкнутых в себе построек: «...это не отдельный вид медиа, а целостный медиакomплекс, состоящий из открытых гетерогенных элементов» [2]. Отныне теоретик медиа исходит из «медиальных операций и их архитектурных материализаций» [12, S. 138], то есть из функций, которые вносят различие, придают форму и трансформируют изначальную неразличенность пространства и времени. Подобный подход был намечен в медиатеории М. Маклюэна, показавшего, что в медиа нас должно интересовать не содержание, но то, как оно меняет пространственно-временные координаты нашего мира. Так, поезд, телеграф или цифровые технологии сокращают расстояния и сжимают временную длительность. Жилье, наравне с одеждой, осуществляет «контроль тепла» и, «делая тепло и энергию социально доступными для семьи или группы... благоприятствует развитию новых умений» [5, с. 142]. Поэтому изменения архитектурных стилей как форм медиа должны рассматриваться в совокупности трансформаций в общем мировосприятии, в отношении к собственной чувственности. Наряду с «защитной» функцией тепла и коммуникативного сближения, современный немецкий теоретик медиа В. Шеффнер предлагает выделить элементарные функции, придающие единство зданию и обеспечивающие его связь с окружающей средой. Такими базовыми функциями в его исследовании выступают операции «открытия»/«закрытия» (Öffnung/Schließung): архитектурные произведения являются системой связанных открытий, соответственно также и разделенных между собой систем энергии, воды, воздуха и т.д., которые состоят из самостоятельных или связанных путей переноса и образуют в определенных местах их оперативные пространства [12, S. 144].

Подобное смещение акцента со свойств здания на систему операций, которые оно выполняет в целом городе, позволяет описывать «сетевой» характер архитектурных медиа, разделяющих и связывающих различные потоки энергии, информации, перемещения людей. Тем не менее в медиафилософском контексте принято учитывать не только доступные для описания функции и изменения, привносимые теми или иными медиа, но и медиальность как таковую, «которая не есть предмет, но процесс» [6, с. 205], составляющий незримое «способ данности мира» [Там же, с. 201]. Так, при описании архитектуры как медиа анализ ее функций следует рассматривать лишь как определенный ракурс, в котором нам даны различные проявления и эффекты этого медиа. Медиальность архитектуры как данности жизненного мира современного человека ускользает от окончательной объективации, поэтому во взгляде исследователя как жителя города, вне зависимости от его местоположения, уже задействованы незримые для него архитектурно-городские процессы организации пространства и времени. Так, проблема незримости города как целого обсуждается в работах немецкой исследовательницы медиа Г. Шабахер, которая вслед за Б. Латуром и Ф. Киттлером [10] демонстрирует необходимость анализа медиальности архитектуры. Г. Шабахер подчеркивает: «...топос незримого города оказывается продуктивным в особенности там, где речь идет об анализе как эпистемических, так и политических констелляций городских архитектур» [11, S. 90]. В этом отношении незримое является не только проблемой описания и границ познания медиальности, но и проблемой, которая имеет политическое измерение. Находясь в неразрывной связи с властными отношениями, архитектурные пространства тем не менее не могут быть репрезентированы в качестве системы, иерархии мест. Как и остальные медиа, архитектура сопротивляется унификации и объективации, поскольку представляет собой динамичное пространство связей и разрывов. Для понимания того, как функционируют властные отношения при помощи архитектурных медиа, Г. Шабахер указывает на значимость понятия олигоптикумов Б. Латур. Б. Латур, вводя понятие олигоптикумов, сознательно противопоставляет их концепции паноптикума у М. Фуко. Как мы полагаем, обе эти концепции являются существенными для понимания политического измерения архитектурной медиальности. Поэтому следующим нашим шагом является пояснение того, что такое олигоптикумы и почему концепции паноптикума и биополитики архитектурного пространства М. Фуко дополняют, а не противостоят друг другу.

В книге «Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию» [4] Б. Латур предлагает концепцию олигоптикумов. Они представляют собой сеть конкретных мест, кабинетов, контор, в которых осуществляются социологические подсчеты, систематизация данных и регуляция социальных, психологических и политических процессов. Задача Латюра – показать, что городской ландшафт как целое ускользает от нашего исследования, но он доступен нам в своих конкретных местах, где и осуществляется управление мобильностью, транспортными, политическими, экономическими процессами и идеями. Подобная «топологическая рефлексия» (В. Савчук) архитектурно-городской медиальности предполагает, что наши идеи о правах, бедности или же возможность обычного перемещения в большом городе не самостоятельны, но обусловлены конкретными топосами и их связями. Так же, как и в рамках концепции олигоптикумов, в медиафилософии исследователь стремится не гипостазировать реальность глобальных процессов и концепций, но продемонстрировать их обусловленность конкретными медиа, которые всякий раз уже задействованы в тех или иных социально-политических решениях. Тем самым мы отказываемся от всеохватывающего взгляда, но можем описывать эффекты пространственных медиа в различных архитектурных сооружениях и территориях. Подсчеты, регулирование потоков учащихся или же представление о равноправии женщин – все это опосредовано топологически и дано нам в локальных медиа. На основе описанной медиатопологии раскрывается плоскостной образ архитектурно-городского ландшафта, где нет менее значимых внутренних мест и мест, более значимых. Напротив, одни локусы соединяются с другими, предоставляют место для реализации решений, где-то утрачивают связи и нарушаются, где-то достигают собственной эффективности.

В своей концепции олигоптикумов Б. Латур, отказываясь от соотношения локальное/глобальное, от иерархии мест в регулировании социально-политических процессов, противопоставляет ее логике паноптикума, описанной М. Фуко. Устройство взгляда надзора обозначается М. Фуко термином «паноптизм», архитектурную модель которого он обнаружил в текстах И. Бентама. Бентам предложил модель идеальной тюрьмы, где в центре располагается башня с окнами для надзора за происходящим в здании, которое располагается вокруг башни. В поднадзорном здании имеются четко разделенные камеры с особым образом устроенными окнами, благодаря которым надзиратель в башне всегда может видеть происходящее в камере, а заключенный никогда не может увидеть напрямую взгляд. Во многом надзор осуществляется благодаря направленному из башни свету, и который, как подчеркивает Фуко, не является схемой «исключения» и заключения в темницу, а схемой постоянной «включенности» в процедуры надзора, руководствующегося не темнотой, но светом [8, с. 293].

Ключевой момент в функционировании паноптикума заключается в том, что действие власти незримо, и никто не знает, когда он реально контролируем, а когда – нет. Подобная незримость позволяет осуществлять самому заключенному непрерывный дисциплинирующий эффект – ставить себя в позицию наблюдаемости. Отсюда, согласно М. Фуко, становится ясным, что власть осуществляется, когда индивид интериоризирует взгляд, который становится особым отношением подчинения, воспроизводимым вне зависимости от того, есть ли реальный субъект, приводящий в действие властные механизмы, или отсутствует: «Принцип власти заключается не столько в человеке, сколько в определенном продуманном распределении тел, поверхностей, света и взглядов» [Там же, с. 295]. Здесь мы видим, что, в отличие от Б. Латюра, М. Фуко описывает особую оптику властного взгляда, который реализуется самими заключенными, и он не является зримой функцией, доступной непосредственному описанию. Тем не менее данный взгляд возможен при содействии

архитектурного устройства, которое запускает механизм и без которого оптика взгляда не достигла бы собственной эффективности. Так паноптическая башня становится архитектурной медиальностью, обуславливающей осуществление властных отношений.

Второй момент, который следует отметить в этой связи: паноптикум описывает, с одной стороны, дисциплинарное пространство, поскольку мы еще имеем фигуру надзирателя, но, с другой стороны, сам механизм паноптикума сохраняется, даже если мы уберем из него центральную позицию башни и надзирателя. Это достигается именно благодаря описанной выше механике взгляда, которая производится автоматически в заключенных субъектах. Дисциплинарность уже лишается прямых способов контроля, насилия и становится «бестелесным воздействием» [Там же, с. 297]. Для современности подобное бестелесное управление по большей части перешло в разработку параметров заботы об эффективности, норме жизни и благосостоянии, которые лишь при ближайшем рассмотрении начинают показывать собственное сходство с дисциплинарностью. Политические решения, направленные на поддержание благосостояния, регуляцию уровней рождаемости/смертности, входят в общую концепцию *биополитики* М. Фуко как системы различных практик по управлению телом населения. «В этом отношении аргумент Фуко состоит в том, что современная биополитика не просто заменяет, но дополняет техники суверенной власти и дисциплины... она оперирует как производством коллективного тела населения, так и производством индивидуальных дисциплинированных тел» [13, p. 115].

Одним из наиболее ярких примеров XX столетия, демонстрирующих то, каким образом осуществляется управление, опосредованное архитектурной медиальностью, являются проекты функционализма и идеи Л. Корбюзье. Корбюзье перечисляет ряд принципов, которые должны учитываться в построении зданий и которые напрямую затрагивают проблему «заботы» о теле в смысле управления чувственностью: «Легкие, слух, зрение; чистый воздух, тишина и душевное спокойствие» [3, с. 125] – таковы параметры, учитываемые архитектурными постройками. Так, для правильного управления зрением необходим максимум освещения, что достигается стеклянными герметичными фасадами. Калькуляция воздуха в помещениях является одной из главных задач Корбюзье, опирающегося в своих измерениях на исследования, проводимые медиками. «С организацией “правильного дыхания” станут почти излишними предписания муниципальных органов» [Там же], – отмечает Л. Корбюзье и рассчитывает необходимые 8 литров кондиционированного воздуха в минуту [Там же]. Подобное исчисление тела и чувственности близко описанию М. Фуко порядка надзора в пространстве больниц, где «надзор основывается на системе постоянной регистрации» [8, с. 287]. Подобная параллель не случайна, поскольку и медицинский дискурс и идеи Л. Корбюзье вписаны в логику биологического отношения к телу, к регистрации его в качестве объекта. За счет переплетения физиологии и топологии, осуществляемой при помощи «заботы» о благосостоянии со стороны властного устройства взгляда, архитектура становится политической медиальностью жизненного пространства, самой «средой» обитания.

Данное понятие среды, которое входит и в понятие медиа, М. Фуко разрабатывает в своем курсе лекций «Безопасность, территория, население». Среда – это особое понимание и способ организации пространства, в отношении которого принимаются те или иные политические решения, и которое вплетается в отношения власти. Оно, как полагает М. Фуко, отличается от того понимания пространства, которое обычно было свойственно для европейских государств до XVIII века. Если ранее топос был не средой, а скорее разрабатываемой государством идеальной моделью территории, возникающей на пустом месте, относительно которой планировалось то или иное устройство управления, то со средой дело обстоит несколько иначе: теперь «пространство... отсылает к последовательности возможных событий, оно обращено к временному и случайному, и эти временное и случайное должны быть вписаны в него» [7, с. 39]. Фуко ссылается на понимание среды в физике как на «основу и стихию передачи действия» [Там же], в которой «осуществляется обращение» [Там же]. Среда в таком случае отличается от прежних территорий тем, что она динамична, открыта, и в ней переплетены как экономические, социальные, так и естественные, чисто природные факторы. Архитектура, таким образом, осуществляет артикуляцию среды, моделирует ее, сама становясь частью неархитектурной, естественной топологии – рек, озер, холмов. Архитектура здесь выступает как медиа, то есть как сама среда, где свет, вода, климат, рождаемость взаимнообратимы и связаны с социальными и экономическими проблемами.

Если в XX веке при помощи архитектуры медицинский способ обращения с телесностью перешел на общую логику жилого пространства, то на данный момент биополитическое управление реализуется также и при помощи внедрения цифровых медиа в сами здания. Изобилие камер слежения, решетки контроля в общественном транспорте и прочих местах массового скопления населения, снабжение жилых пространств датчиками контроля – все эти формы новых медиа, которые являются «расширениями» архитектурных построек, направлены на поддержание безопасности, сохранение наиболее экологичной обстановки, которая допускает возможность дисбаланса как побочного эффекта функционирования городского ландшафта: «Современный город существует как пелена программных инструкций... В некоторых современных лифтовых системах строк кода больше, чем было в космическом корабле “Аполлон”» [1, с. 147]. Наряду с оцифровкой и пространственной организацией жизненной среды происходит становление того, что, вслед за Эш Амин и Найджелом Трифтом, можно обозначить в качестве «терапевтического этоса»: город становится хранилищем всевозможных проектов Я и относительно Я [Там же, с. 137]. Одновременно с учетом здоровья тела приобретают гипертрофированные формы всевозможные практики по оценке и наблюдению за душевным, психическим состоянием.

В заключение следует отметить, что рассмотренные нами формы архитектурного пространства оказывают непосредственное влияние на ритм жизни современного горожанина, на его отношение к телу и психическому состоянию. Подобное влияние оказывается за счет особых политических моделей, которые были

проанализированы при помощи понятия биополитики М. Фуко и связанного с ним топологического концепта олигоптикумов Б. Латура. *Авторский вклад* предлагаемого исследования заключается в том, что анализ связи между логикой организации пространства и политическими стратегиями осуществляется на основе понятия архитектурной медиальности. Применение медиафилософского концепта медиальности позволило продемонстрировать, что архитектура не просто отражает биополитическую модель, но является условием ее существования. Так же, как современные массмедиа, городское пространство транслирует способы распределения власти. Архитектура, таким образом, перестает быть внешним инструментом биополитики, но является самим медиа, условием существования политических технологий управления. Так, концепция олигоптикумов продемонстрировала, что управление потоками населения, мобильностью и даже его взглядами осуществляется при помощи сетевого образа организации архитектурно-городского пространства. Последнее становится медиумом, который недоступен для окончательной репрезентации, но может быть раскрыт через описание конкретных мест его проявлений: контор, кабинетов и лабораторий. Именно в такой конкретной топологии осуществляются подсчет возможных перемещений, ограничение доступа к определенным местам или социологические исследования того, какие идеи должны быть актуальны. Подобная структура сетей и конкретных локусов дополняется идеей биополитического пространства, которое является производным от пространств дисциплинарных. Если в модели дисциплинарного «паноптикума», классической формой которого являются места заключений и больницы, еще может присутствовать центральный надзиратель, то в местах биополитического управления осуществляется за счет самодисциплины. Специфика современной биополитической топологии заключается в ее открытости, динамичности, направленности на комфорт и эффективность. Тем не менее она также выступает ведущей формой медиа по властному управлению телом и здоровьем, начиная от прозрачных фасадов построек Л. Корбюзье до внедрения всевозможных цифровых форм регистрации физической и психической жизни индивида. Осмысление архитектуры с точки зрения политических медиа необходимо для формирования критической установки не только по отношению к сообщениям массмедиа, но по отношению к образу тех пространств, в которых живет современный человек.

Список источников

1. Амин Э., Трифт Н. Города: переосмысляя городское. Н. Новгород: Красная ласточка, 2017. 224 с.
2. Колесникова Д. А. Медиальность архитектуры. К вопросу о визуальной экологии города [Электронный ресурс]. URL: <http://dspace.kpfu.ru/xmlui/bitstream/handle/net/30157/viscom2014-143-149.pdf?sequence=-1&isAllowed=y> (дата обращения: 02.09.2018).
3. Корбюзье Л. Лучезарный город // Корбюзье Л. Архитектура XX века. М.: Прогресс, 1977. С. 121-142.
4. Латур Б. Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с.
5. Маклюэн М. Понимание Медиа. Внешние расширения человека. М. – Жуковский: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2003. 464 с.
6. Савчук В. В. Медиафилософия. Приступ реальности. СПб.: Изд-во РХГА, 2013. 350 с.
7. Фуко М. Безопасность, территория, население. СПб.: Наука, 2011. 544 с.
8. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. 479 с.
9. Фуко М. Рождение биополитики // Фуко М. Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. М.: Праксис, 2006. Ч. 3. Статьи и интервью, 1970-1984. С. 151-160.
10. Kittler F. A., Griffin M. The City Is a Medium // *New Literary History, Literature, Media, and the Law*. 1996. Vol. 27. № 4. P. 717-729.
11. Schabacher G. Unsichtbare Stadt. Zur Medialität urbaner Architekturen // *Zeitschrift für Medienwissenschaft. Medien/Architekturen*. 2015. Heft 12. S. 79-90.
12. Schäffner W. Elemente architektonischer Medien // *Zeitschrift für Medien- und Kulturforschung*. 2010. № 1. S. 137-149.
13. Stanek L. Biopolitics of Scale: Architecture, Urbanism, the Welfare State and After // *The Politics of Life: Michel Foucault and the Biopolitics of Modernity* / ed. by S.-O. Wallenstein, J. Nilsson. Stockholm: Iaspis, 2013. P. 106-120.

BIO-POLITICAL DIMENSION OF ARCHITECTURAL MEDIALITY

Yakovleva Lyubov' Yur'evna, Ph. D. in Philosophy
Saint Petersburg University
jakovleva.ljubov@yandex.ru

The study aims to clarify the functioning of bio-politics in architecture. Architectural works are considered as the research object of media-philosophy, i.e. as a special type of media mediating the authoritative relations of urban space. Relying on B. Latour's "oligopticons" conception and M. Foucault's "panopticism" conception the author describes the logic of arranging modern architectural space and its role in the implementation of the authoritative mechanisms to regulate a modern human's biological life. The conceptions of oligopticons, panopticon and bio-political spaces serve to show the immediate relation between the most frequent political management models and concrete architectural topology. Such an approach contributes to the critical re-interpretation of the image of modern architectural urban environment.

Key words and phrases: architecture; media-philosophy; mediality; topology; oligopticons; panopticism; power; imperceptibility; bio-politics.